

Розкрито маловідомий аспект біографії Антона Семеновича Макаренка, котрий, почавши після переїзду до Москви займатися "вільним письменством", уклав і опублікував рецензію на твір письменниці-початківця з Ленінграда Наталі Гирей (22.08.1910 - 8.09.2001), що в підсумку призвело до руйнівних наслідків у долі молодої жінки. Г.Хилліг у другій частині статті продовжує розплутувати складну біографію Наталі Гирей та шукати причини зміни поведінки Макаренка.

Раскрыт малоизвестный аспект биографии Антона Семеновича Макаренко, который, начав после переезда в Москву заниматься "свободным писательством", составил и опубликовал рецензию на произведение начинающей писательницы из Ленинграда Натальи Гирей (22.08.1910 - 8.09.2001), что в итоге привело к разрушительным последствиям в судьбе молодой женщины. Г.Хиллиг во второй части статьи продолжает распутывать сложную биографию Натальи Гирей и искать причину изменения поведения Макаренко.

The article tells about little-known aspect of the biography of Anton Makarenko, which illustrates the manifestation of the Great Terror and its impact on the Soviet literary environment of those years.

МОСКВА CONTRA ЛЕНИНГРАД ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ: АНТОН МАКАРЕНКО И НАТАЛЬЯ ГИРЕЙ (вторая часть)

Г. Хиллиг

В первой части статьи, которая была опубликована в № 3 (94), 2010 "ПМ", автор пролил свет на резкое изменение настроений относительно повести Натальи Гирей "Шестьдесят восьмая параллель" от увлекающих – после публикации произведения – до сокрушительных откликов – после рецензии Макаренко. Также Г.Хиллиг писал об изменении веса Макаренко "на литературном рынке" и соответственно об изменении его гонорара. Кроме того читатели "Постметодики" в прошлом номере познакомились с тонкостями сложной биографии Н. Гирей, временами запутываемой самой писательницей, скрывавшей свое происхождение, стараясь облегчить влияние террора, под который попала значительная часть тогдашних литераторов.

* * *

6.

В личном фонде писателя С.А. Семенова (1893-1942), который тогда же в Ленгослитиздате был ответственным за работу с начинающими литераторами (и участвовал в вышеупомянутом расширенном заседании правления ЛО ССП по вопросу о творчестве молодых авторов 15 апреля 1937 г.), З.Ш. Тененбойму удалось обнаружить некоторые документы о Н. Гирей за 1937 год, в том числе автобиографию, а также четыре письма и почтовые открытки к писателю. Эти материалы из личного архива Семенова, хранящегося в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга¹¹¹, несомненно имеют отношение к планам Ленгослитиздата включить повесть "68-й параллель" в серию книг, приуроченных к двадцатой годовщине Октябрьской революции.

В автобиографии, датированной "23 V"

(1937 г.¹¹²), говорится: "Родилась и выросла на Кубани. Отец военный врач, с 17 по 23 год служил в Красной Армии. По долгу службы ему приходилось много разъезжать. Мы в эти годы исколесили весь юго-запад Украины. Иногда мы с матерью оставались у кого-нибудь из бесчисленных родственников. Приходили, уходили белые, Петлюра, Махно, снова приходили красные. Отец возвращался. Родственники добрели и не попрекали больше нас, что мы всю семью в опасность ставим. После нескольких дней отдыха и благополучия мы укладывали вещи и ехали дальше.

В 1924 году отец демобилизовался и осел в Новороссийске. Работал курортным врачом. Но недолго было наше оседлое житие. Началась снова кочевка. По линии Курорта. С 1924 года по 1929 г. объехали весь берег Черного моря¹¹³.

В 1929 году осенью отец по советам друзей решил перебраться в большой город. Надо было мне "давать образование". До этого я училась кое-как, урывками, однако успела кончить 9-летку". О том, что это было в 1927 году, и именно в Ленинграде, автор данного биографического текста сознательно умалчивает. Вместо этого указана Москва.

"Перебрались в Москву в середине зимы. Мать умерла еще в 1928¹¹⁴ году. Среди зимы поступать учиться было некуда. И я "вела хозяйство", а фактически эту зиму ничего не делала и читала запоем. Большой город не понравился. Я боялась автомобилей и трамваев, и перейти улицу было мучением.

Отец в непривычном климате стал прихварывать. Поступила я на работу, штемпе-

¹¹¹ РО РНБ СПб., ф.685.

¹¹² См. некорректную архивную надпись на конверте: "Арх. Семенова, С.А. [ф.685] [ед.хр.] 643. / Гирей Наталья Максимовна. Автобиография ее. 23 мая [1938]. 4 лл."

¹¹³ Как следует из письма Архива администрации г. Новороссийска к Г.Г. Ульшину (Ростов-на-Дону) от 12.02.2010 г., "информации о деятельности Максима (!) Ивановского "по линии курорта", о жизни его семьи в Новороссийске в архивах не выявлено, так как довоенные документы здравоохранения не сохранились из-за условий военного времени".

¹¹⁴ Последняя цифра не ясна; Г.Х.

левать какие-то карточки. Но работа была нудная, скучная. Это были не веселые южные "приработки" вроде сбора и упаковки фруктов, или карауления бахчей, а служба изо дня в день.

Зимой 1930-31 года отец умер, и я осталась одна – одинешенька в чужой Москве. Знакомые, высказав сочувствие, перестали обращать на меня внимание. По вечерам я чувствовала себя совсем потерянной и ходила на все лекции о "дальних странах". Казалось, вспыхнет на экране вместе с пленкой о чужих краях мое кочевое детство, когда я была "дочкой", а не затерянным никому ненужным человеком.

На одной из лекций приехали новосибирские писатели, и не помню уже как, но я сообразила, что Сибирь – это замечательная страна, и там можно найти дело поинтересней штемпелевания карточек. Взяла адреса, к счастью одна из школьных подруг оказалась в Новосибирске замужем за работником исполкома. Списавшись с ними, я приехала в Новосибирск. Сперва работала в магазине "Культтовары", потом в краевом издательстве, потом в газете. Квалификации не было. Платили мало"¹¹⁵.

По поводу выдумок Н. Сарач-Гирей, следующее высказывание в ее автобиографии заслуживает внимания: "В 1933 году я попала в Хибиногорск (теперь Кировск). Тут моя газетная карьера кончилась в три недели. Редактор нашел, что у меня "чересчур живая фантазия", а очерки "должны быть точной копией". Кроме того, сотрудник городской газеты, который мечтает написать книгу – это нечто вроде неприлич[ное]"¹¹⁶.

Неподписанная автобиография Н. Гирей из наследия писателя Семенова заканчивается словами: "С 1933 года работала в Кировске (б. Хибиногорск). Сперва (очень маленькое время) я работала в газете "Кировский рабочий". Потом перепробовала пять или шесть работ, пока (с осени 1934 г.) не поступила на ЦЭС, где и работала по линии техпропаганды до 1937 года. В настоящее время учусь в Первом Ленинградском Энергетическом техникуме".

Первое из писем С.А. Семенову с подписью "Н.Г." датировано "22/VII" (1937 г.). В нем молодой литератор по-деловому сообщает писателю о состоянии своей рукописи для запланированного книжного издания. О выходе из печати неделю назад рецензии Макаренко там ничего не упоминается. В тот момент Н. Сарач-Гирей о роковой публикации, очевидно, еще не знала.

От содержания и тона этого письма от-

личаются два других документа из наследия С.А. Семенова – почтовая открытка от 13 и письмо от 21 сентября 1937 г., т.е. спустя полтора месяца после заседания 2 августа по "вопросу Н. Гирей". На открытке без обратного адреса дословно говорится следующее:

"Сергей Александрович! Возьмите меня отсюда. Здесь самый воздух пропитан болью и человеческим горем. Я уже не думаю о радостной книге, я хочу только как-то внутренне выжить. Меня положили с пропойцами и тому подобное. У меня отняли право на мое человеческое горе. Возьмите меня. Мне хочется учиться, ходить по улицам, видеть мир. Лежишь, книг нет, мысли вертятся. Самое лучшее, если нельзя учиться, чтоб разрешили мне съездить в Москву к крестной. Два дня я поживу в атмосфере, где со мною будут ласковы. Здесь лучше, чем у Елены Ивановны¹¹⁷, но все-таки очень уныло. Н. Гирей".

21 сентября она повторяет свою просьбу о помощи. На конверте данного письма написан обратный адрес: "Из психиатр. больн. Корпус № 12. Гирей Н.М."¹¹⁸. В этом письме говорится: "Я, правда, теперь причислена к полоумным, но все-таки достаточно соображаю – быть запертой целые дни с 16 истеричками-алкоголичками, не имея ни книг под рукой, ни чем развлечься. [...] Пишу огрызком карандаша. Если хотите сохранить во мне хоть кусочек не измученного, не истерзанного до конца, возьмите меня как можно скорей отсюда".

С.А. Семенов, очевидно, помогал Н. Сарач-Гирей. Это можно заключить из ее почтовой открытки писателю от 01.10.1937 г. из санатория "Орлино" (Варшавская ж.д., ст. Строганово), где дословно говорится следующее:

"Дорогие Сергей Александрович и Наталия Георгиевна! Благодарю Вас еще раз за все внимание и заботы, которые от Вас видела. Здесь гуляю, ем, пью, отсыпаюсь. Чувствую себя неважно. Доктор запретил и думать о работе на этот месяц. Читаю исключительно "легкие" книги. Катаюсь на лодках. Стараюсь ни о чем не думать, но, увы, это не так просто. В санатории ко мне очень внимательны. Палата маленькая, на двоих. Соседка тихая. Здесь развлекают кино и концертами, но мне приятнее всего гуляние, когда тихо и воздух. Сердечный привет. Н. Гирей".

Согласно процитированным документам из наследия С.А. Семенова, Наталья Гирей в середине сентября 1937 г. оказалась в

¹¹⁵ Последние два фразы Н.Г. зачеркнула.

¹¹⁶ Текст этого абзаца автором был накрест перечеркнут.

¹¹⁷ Речь идет, очевидно, об отделении больницы, которое возглавляла врач Елена Ивановна.

¹¹⁸ Надпись на обороте конверта карандашом: "Н. Гирей. Павловская, 10, кв. 34. Гирей 6-61-57". Имеется в виду справочный телефон психбольницы, или у Н.Г. (возможно, в коммунальной квартире) был телефон.

психиатрической больнице. Вероятно, после того, как она узнала о заседании правления ленинградской писательской организации от 2 августа по "вопросу Н. Гирей", у нее появились признаки серьезных психических отклонений. Тем не менее, за этим могли также стоять и меры, предпринятые С.А. Семеновым для предотвращения преследований писательницы. Какие-либо достоверные данные о заключении Н. Сарач-Гирей в августе или в сентябре в застенки НКВД – отсутствуют, не говоря уже о том, что из психбольниц для подследственных в лечебно-оздоровительные учреждения статуса комфортного санатория "Орлино" в СССР в 30-е гг. люди обычно не попадали. Это, судя по всему, происходит благодаря С.А. Семенову. Примечательно и то, что супруги Семеновы не боялись вести переписку с общественно заклеянным человеком¹¹⁹.

Установлено: осенью 1937 г. молодая писательница была включена в число студентов первого курса 1-ого Ленинградского энергетического техникума. Характерно для Н. Сарач-Гирей то, что во всех своих автобиографиях, имеющих в наследии С.А. Семенова, она ни разу не называла своего отчества.

В недатированной машинописной записке и.о. зав. сектором начинающего автора (фамилии и подписи нет) секретарю парткома Ленгослитиздата речь идет о том, что "в секторе начинающего автора возник ряд сомнений по поводу личности Н. Гирей". Здесь упомянут известный в то время в культурной среде Ленинграда Д.И. Выгодский – переводчик художественной литературы с немецкого и испанского языков, член правления ЛО ССП¹²⁰, редактор Ленгослитиздата –, игравший в жизни молодой писательницы, очевидно, немаловажную роль. В этой служебной записке сообщается:

"Сомнения эти основываются на следующем:

1. Имеется две карточки на Гирей. Одна, заполненная и, по-видимому, со слов тов. Выгодского, указывает фамилию автора – Гирей-Ивановская Наталья Дмитриевна, дочь врача, причем указано, что образование незаконченное *высшее*. Вторая карточка, заполненная лично Гирей,

дает иные сведения: Сарач (Гирей) Наталья Максимовна, дочь военного командира, образование *среднее*¹²¹.

2. Консультант сектора тов. Наумова утверждает, что она и поэтесса Р. Карельская знали Гирей по ленинградскому университету, причем, Гирей носила фамилию Ивановская. Гирей категорически отрицает как факт обучения в ленинградском университете, [так и] факт ношения фамилии Ивановской.

3. По имеющимся у нас сведениям, в паспорте Гирей указано место рождения – Ленинград, а в прилагаемой автобиографии местом рождения указана Кубань.

Ставя Вас в известность о наших сомнениях, прошу обеспечить возможность уточнения неясных мест в биографии Гирей".

Карандашное дополнение: "Со слов Выгодского. Гирей якобы рассказывала ей (Выгодской), что Гирей уехала в Кировск в качестве жены секретаря парткома (Таничева)"¹²², прототипа "единственного" положительного персонажа повести¹²³ – секретаря парткома Ганичева. Несомненно, речь идет о А.А. Таничеве ("год рождения: 1899, народность: великоросс., родной язык: русский, социальное положение: крестьянин"), который, как видно из его "Учетной карточки" ЦК ВКП(б), заполненной в 1933 году, в 1920 году стал членом партии и с октября 1930 по февраль 1932 года был секретарем Горкома ВКП(б) г. Хибингорск, а затем перешел на должность директора "Нива-грэс"¹²⁴ (место работы: населенный пункт Нивастрой на реке Ниве в Карельской АССР¹²⁵). И это могло бы означать (по интерпретации З.Ш. Тененбойма), что Н. Гирей, которая в действительности приехала в Хибингорск лишь в 1933 или в начале 1934 года, выдает себя за "первую леди" Кировска!

На обороте данного документа: составленная С.А. Семеновым "Краткая биография писательницы Натальи Максимовны Гирей" – проект ответа секретарю парторганизации Ленгослитиздата (черновой автограф), которая в отличие от подобных ранее известных свидетельств содержит подробную информацию о происхождении и детстве последней. В нем говорится:

"Родилась в селе Мысхако, 6 кил. от Новороссийска (считает, это место избою),

¹¹⁹ Писатель С.А. Семенов, очевидно на основании вышеупомянутой почтовой открытки Н. Гирей от 13.09.1937 г., уже раньше позаботился о переводе своей подопечной в санаторий. Это следует из точной датировки пребывания "Сарач Наталья Моисеевны" в психбольнице (ныне – Городская психиатрическая больница № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова) с 11 по 21 сент. 1937 г., о котором узнал З.Ш. Тененбойм в телефонном разговоре с работником архива больницы в ноябре 2009 г.

¹²⁰ См.: РГАЛИ, 631-15-319, лл.3, 6.

¹²¹ *Курсивы* от меня; Г.Х.

¹²² РО РНБ СПб., 685-643.

¹²³ Лим А. Враждебная повесть. // "Красная газета" (Ленинград), 1937, № 172, 28.07, с.3.

¹²⁴ Центральный госархив историко-политических документов (ЦГАИПД) СПб., 9088-1-3068, л.58 с об. (Сообщение Г.Г. Ульшиной в письме к автору от 08.04.2010 г.).

¹²⁵ См. письмо Е.Н. Штала (Кировск) к автору от 20.04.2010 г.

в августе 22, в 1910 г. Крещена в Ленинграде в [1]1911 в ноябре. Мать в 1912 г. вышла замуж за Ивановского (воен. врача).

В 1914 г. все вместе жили в Полоцке, уже во время войны.

В 1917 г. Ивановского выбрали в С.Р.К. и С.Д. [Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – Г.Х.] в Могилеве¹²⁶.

Уншлихт¹²⁷ и Шапошников¹²⁸ хорошо знали Ивановского. По словам Гирей, с 1917 по 1924 год он служил у красных, в 1924 г. Ивановский демобилизовался.

С 1924 г. жили все вместе в Новоросс[ийске] до конца 1926 г., [отец] был врачом по курортн[ой] линии.

С 1927 по 1929 г. жили в Ялте, отец попережнему работ[ал] в курортн[ом] Упр[авлении]; похоронили в это время мать. Н. Г. посыл[али] (в 1929 г.) в Ленинград для поступл[ения] в Лен. Универс. Не поступила. Не выдержала приемн[ых экзаменов]. После этого "болталась" месяц – затем уехала в Ялту. Всего была в Ленинграде около 2 1/2 мес.¹²⁹.

После смерти отца (9 сентября 1931 г.) она ("Ивановская") "уехала в Новосибирск, поступила на работу в книжный магазин – продавщицей (1 год), затем в издатель[ство] (Сибирск. Краевое) офсетчицей (2 пол), затем в газету "Новосиб. Рабоч." – была около года (с ноября 1932 г. до осени 1933 г.). В декабре 1933 г. приехала в Ленинград (сидела у Выгодских, Выгодские уговорили ехать в Кировск – уехала).

Отец – военный врач (ромб.)¹³⁰.

Согласно автобиографии для техникума, Наталья в 1927 г. окончила полный курс единой трудовой школы именно в Ленинграде, что подтверждается подлинником аттестата и упоминается в протоколе допроса от 1 апреля 1938 г. В декабре 1932 г. она была в Новосибирске, в январе 1933 г. – в Хибиногорске. То есть туда попала не из Ленинграда, а из Новосибирска. Из-за такого противоречия З.Ш. Тененбойм в письме ко мне выразил следующие предположения: не была ли Н. Сарач в Хибиногорск из Новосибирска *сослана*? Вспомним запись в протоколе допроса от 1 апреля 1938 г., о которой позднее она также "забывала" упомянуть во всех своих автобиографиях: "В 1931 г. была арестована ОГПУ. Под арестом находилась 5-6 месяцев. Освобождена без последствий"...

Выводы из процитированного документа сектора начинающего автора Ленгослитиз-

дата: при упоминании о скончавшемся в 1931 году военном, а потом курортном враче Ивановском – речь идет об *отчине* Натальи. Кроме того, у начинающей писательницы военный врач превратился в красного командира генеральского ранга. В упомянутом "уголовном" деле 1938 года значится, что отец (очевидно *родной отец* Моисей Сарач) во времена ареста дочери был еще жив. Сведений об отчине здесь нет.

* * *

7.

Автобиографическая "метаморфоза" Н. Сарач-Гирей определилась в 1937 году, в пору ее вхождения в писательскую среду. Причина изменения отчества и умолчания о судьбе родного отца не установлена, хотя все же можно предположить, что с середины 1930-х гг. в СССР решающее значение приобретает анкетная чистота и набирает силу государственный антисемитизм. Наталья всячески старается скрыть свое происхождение.

Цитированный выше протокол допроса от 1 апреля 1938 г. содержит по пункту "Социальное происхождение" подписанное Н.М. Сарач-Гирей заявление "дочь дворянина и помещика". При этом речь может идти о некорректной передаче данных из анкеты арестованного с подписью Н.М. Сарач того же дня, где говорится: "из дворян". В действительности же отец не был дворянином, дворянкой была мать. И она также, на что может указывать отчество, была не еврейского, а *караимского* происхождения.

Это явствует из документов личного дела студента Юридического факультета Императорского С.-Петербургского университета Моисея Мордхаевича (Марковича) Сарача, ее отца, которые З.Ш. Тененбойм нашел в материалах данного вуза за 1908-09 учебный год. Они сохранились в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ф.14, оп.3, д. 52598).

М.М. Сарач происходит из Евпатории, одного из центров караимской жизни Крыма. Здесь в 1882 году он родился в семье Евпаторийского купца караимского вероисповедания Мордхая (Марка) Симовича Сарача и его жены Тотешь, ур[ожденной] Туршу (?)¹³¹. Как и его отец, Моисей Маркович был Евпаторийским купцом караимского вероисповедания¹³². Обучаясь в Московской частной гимназии Ф. Креймана¹³³, которая

¹²⁶ По сообщению Госархива Могилевской области в письме к автору от 02.07.2009 г., "сведений о составе рабоче-крестьянского Совета г. Могилева в 1917 году, о семьях Сарач и Ивановского" в этом архиве не имеется.

¹²⁷ Уншлихт И.С. (1879-1938), сов. гос. и парт. деятель, был арестован в мае 1937 г. и казнен 28.07.1938 г.

¹²⁸ Шапошников Б.М. (1882-1945), сов. военн. и гос. деятель, военн. теоретик, Маршал Советского Союза.

¹²⁹ Здесь Н. Гирей замалчивает тот факт, что в 1926-27 гг. она училась в 15-й ленинградской школе, а значит – жила в Ленинграде.

¹³⁰ РО РНБ СПб., 685-261.

¹³¹ См.: ЦГИА СПб, 14-3-52598, док. № № 23, 24, 28.

¹³² См.: там же, док. № № 10, 11.

¹³³ См.: там же, док. № 23.

имела репутацию строгого учебного заведения, он с 1 мая по 3 июня 1908 г. подвергся испытанию на аттестат зрелости в Евпаторийской мужской гимназии¹³⁴ и в августе того же года поступил в Петербургский университет¹³⁵. В справочнике "Весь С.-Петербург на 1908 г." Сарач Моисей Маркович был зарегистрирован как "куп[ец]" по адресу "Звенигородская, 22. Тлф. 1629"¹³⁶.

В 1906 году в Евангелическо-лютеранском приходе Св. Анны в С.-Петербурге были обвенчаны сын "покойного личного почетного гражданина" Моисей Сарач "с девицею Ольгой Шабуневич", дочерью Действительного статского советника Александра Адамовича Шабуневича (Помощника Управления эксплуатационного отдела Департамента железных дорог¹³⁷) и его жены Анны Степановны ур. Самохваловой, родившейся в 1887 году в Киеве, лютеранского вероисповедания, члена прихода Св. Анны¹³⁸. "Оба первобрачные"¹³⁹. Как видно из документов дела благородной девицы С.-Петербургского училища Ордена Св. Екатерины Ольги Шабуневич (за 1898-1900 гг.), которое З.Ш. Тенбойм нашел в ноябре 2009 году в Центральном государственном историческом архиве города на Неве, ее отец – Надворный Советник А.А. Шабуневич – на тот момент был Начальником Коммерческого отдела Департамента железных дорог. Как "постоянное место жительства" семьи Шабуневич в документах данного дела указан адрес: С.-Петербург, Ямская ул., д. 27, кв. 9¹⁴⁰.

На основании "промыслового свидетельства на промышленное предприятие V разряда", выданного Евпаторийской Городской Управой, М.М. Сарач "вместе с членами своего семейства" ("жена Ольга Александровна, 20 л.") в конце 1907 г. был "записан в Евпаторийское Купечество второй гильдии на 1908 г. Посему Сарач с означенными членами семейства [...] имеет право по 31 декабря 1908 г. пользоваться Купеческим званием второй гильдии и всеми преимуществами, присвоенными по закону, купечеству этой гильдии 29 дек. 1907 г."¹⁴¹ В книгах "Весь С.-Петербург" на 1908 до 1911 гг. Ольга не упомянута, а М.М. Сарач был зарегистрирован по адресу Звенигородская, 22, т.е. он проживал вместе с женой у ее родителей.

В этой семье 9 августа (по новому стилю – 22 августа) 1910 г. родилась Наталья Сарач. В документах личного дела студента Моисея Сарача это событие упомянуто¹⁴², но там отсутствуют данные о месте рождения Натальи. Ее крестины состоялись 21 ноября (4 декабря) 1910 г. в С.-Петербурге, а именно в Екатерининской церкви при петербургском Училище правоведения. Это следует из метрической церковной книги¹⁴³. Бросается в глаза, что в изданиях "Весь С.-Петербург" на 1910 и 1911 гг. также числится лишь М.М. Сарач (без названия профессии, но с указанием того же адреса и телефона, что и в аналогичном справочнике за 1908 год)¹⁴⁴.

Причиной этого, безусловно, было то обстоятельство, что семейный союз Моисея Марковича и Ольги Александровны просуществовал лишь короткое время. Еще 9 февраля 1911 г. С.-Петербургская Евангелическо-Лютеранская Консистория – "на основании 374 статьи 2 п. Устава о духовных делах иностранных вероисповеданий (часть I, том XI Свода Законов Империи, издания 1896 г.)" – постановила, что брак подлежит расторжению; мужу, "на основании статьи 375 того же Устава, вступление в новый брак воспрещается". В обосновании этого решения говорится: "ответчик [М.М. Сарач. – Г.Х.] фактически покинул жену свою и категорически отказывается продолжать с ней супружескую жизнь". По желанию матери ребенка было решено оставить с ней. При этом Консистория указывала "на то обстоятельство, что такому в его нежном возрасте, во всяком случае, необходимы заботы о нем матери, и что только последняя располагает средствами, необходимыми для воспитания ребенка и попечения о нем"¹⁴⁵. На документе имеется пометка "Перевод с немецкого". Поэтому не исключено, что мать или бабушка Наташи по национальности была немкой.

19 апреля 1912 г. ректор С.-Петербургского университета выдал студенту Юридического факультета М.М. Сарачу свидетельство "в том, что со стороны Университетского начальства не встречается препятствий к вступлению его, Сарача, во второй законный брак с дев. Евдокией Андреевн[ой] Галуновой при наличии условий, необходимых для вступления в брак (Св. Зак. Гражд. Т. X, ч. I, ст. ст. 1-33)"¹⁴⁶, т.е.

¹³⁴ См.: там же, док. № 10.

¹³⁵ См.: там же, док. №№ 4, 13.

¹³⁶ Весь С.-Петербург на 1908 г. Отдел III: Алфавитный указатель жителей, с.670, кол.2.

¹³⁷ См.: Весь С.-Петербург на 1905 до 1910 гг.

¹³⁸ См.: ЦГИА СПб, 14-3-52598, док. № 28.

¹³⁹ Там же, 19-127-2407.

¹⁴⁰ Там же, 3-1-3377.

¹⁴¹ Там же, 14-3-52598, док. № 29.

¹⁴² См.: там же, док. № 28.

¹⁴³ См.: там же, 19-127-2407.

¹⁴⁴ См.: Весь С.-Петербург на 1908 г., с.670, кол.2.

¹⁴⁵ ЦГИА СПб, 14-3-52598, док. № 36

¹⁴⁶ Там же, док. № 38.

"если таковой будет разрешен духовным начальством"¹⁴⁷. Е.А. Галунова, род. в 1888 году, была также евангелическо-лютеранского вероисповедания.

Этот новый семейный союз был заключен 8 января 1913 г.¹⁴⁸, и справочник "Весь С.-Петербург" на упомянутый год уже содержит следующую запись: "Сарач Евд. Андр. Каменноостр. пр.38. Т. 21376"¹⁴⁹. Через год в данной квартире зарегистрирован и "Сарач Моис. Марк." – без указания профессии¹⁵⁰ (он в то время еще был студентом). Как "совершенно неспособного к военной службе" Евпаторийское Уездное воинское присутствие его еще в 1903 году освободило "навсегда" от службы¹⁵¹. В январе 1915 г., "как не внесший плату"¹⁵², он был уволен из студентов¹⁵³, а через два месяца вновь принят в Петроградский университет¹⁵⁴. Однако уже в мае 1915 г. он просил декана Юридического факультета о выдаче выпускного свидетельства¹⁵⁵. Из этого можно заключить, что данный факультет М. М. Сарач не окончил, по крайней мере, на то время.

В указанной квартире на Каменноостровском проспекте семья Сарач-Голуновой жила еще в 1917 году¹⁵⁶. Там же, наверное, появился и упоминаемый в протоколе допроса Н.М. Сарач-Гирей от 1 апреля 1938 г. ее "брат Андрей Сарач". Позже эта семья, по всем данным, переселилась в Украину. Возможно, это было, как и у многих других состоятельных петроградцев, бегство от эпидемии Испанского гриппа, который в 1919 году свирепствовал в столице.

О дальнейшей судьбе этой семьи сначала ничего не удавалось узнать. В конце концов некоторые данные по просьбе З. Ш. Тененбойма сумела выяснить директор Музея истории С.-Петербургского Государственного Технологического института (ТУ) О.В. Щербининой в октябре 2009 г. из дела студента Ленинградского Химико-технологического института им. Ленсовета А.М. Сарача¹⁵⁷. Оттуда узнаем, что Андрей Моисеевич, род. в 1914 году в г. Евпатории быв. Таврич. губернии; "национальность: караим, подданство: СССР"; в 1929 году в г. Мелитополе окончил трудовую школу, с 1929 г. по 1931 г. "в сельхозе [сельском хозяйстве. – Г.Х.]" работал слесарем, с 1931 г. по 1933 г. учился в ФЗУ при депо ст. Мелитополь и до 1934 г. рабо-

тал слесарем на одном из заводов; с 1934 г. по 1935 г. учился на рабфаке ЛХТИ и после этого на Технологическом факультете данного вуза (окончил в 1940 г.). В качестве адреса студент в 1935 г. называет две квартиры: в Днепропетровске (I Чечелевка, д.42, кв.2 – "постоянное местожительство семьи") и Ленинграде (Плеханова, д.6, кв.9). В аттестате 1939 г. отмечено: "Б/п, успеваемость средняя, недостаточно дисциплинирован. Не внушает политического доверия". В этом же документе говорится о родителях А.М. Сарача: "Отец с 1916 г. по 1921 г. занимался юридической практикой. С 1921 г. работал юрисконсультантом в Днепропетровске. В 1938 г. арестован органами НКВД. Мать работает педагогом в средней школе на ст. Бжедаровка" (ж.д. линия Верховцево – Кривой Рог). Впрочем, в анкетах данного дела студент не дает никакой информации о сестре.

О судьбе отца Натальи и Андрея Сарач свидетельствует Реабілітовані історією. Запорізька область [Текст] / голова ред. кол. П. Т. Тронько. – Запоріжжя : Дніпровський металург, 2004 – . – (Науково-документальна серія книг "Реабілітовані історією"). – ISBN 966-7748-53-7 (повне зібрання). Кн. 2 / голова ред. кол. О. А. Зайковська. – [Б. м.] : [б.в.], 2005. – 772 с. Здесь говорится (перевод с укр. языка): "САРАЧ Моисей Маркович, 1882 г.р., г. Евпатория, еврей [!], юрисконсульт треста "Трубопосталь". 15.10.1938 р. обвинен в участии в повстанческой организации, расстрелян. Реабілітован 01.09.1989 г."

Расхождения по поводу биографии, репрессирования и реабилитации этого лица можно найти в соответствующем издании по Запорожской области, где говорится (также перевод с укр. языка): "САРАЧ Моисей Маркович, 1882 г. рождения, г. Евпатория АР Крым, караим, образование высшее. Проживал в г. Мелитополь Запорожской области. Юрисконсульт промышленного союза Мелитопольского р-на. Арестован 7 мая 1931 года. Обвинение: участник контрреволюционной организации. Судебной "тройкой" при коллегии ГПУ УССР 2 сентября 1931 года дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабілітован в 1931 году" (Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Дніпропетровська область: У 2 кн. / Упорядники: Є.І. Бородин, В.В. Іваненко, Л.Л. Про-

¹⁴⁷ Там же, док. № 36.

¹⁴⁸ См.: там же, док. № 25-26.

¹⁴⁹ Весь С.-Петербург на 1913 г., с.563, кол.1.

¹⁵⁰ Весь Петроград на 1914 г., с.586, кол.3.

¹⁵¹ ЦГИА СПб, 14-3-52598, док. №№ 27, 31.

¹⁵² Там же, док. № 5.

¹⁵³ См.: там же, док. №№ 5, 13.

¹⁵⁴ См.: там же, док. № 13.

¹⁵⁵ См.: там же, док. № 12.

¹⁵⁶ Весь Петроград на 1917 г., с.608, кол.1.

¹⁵⁷ Музей истории СПбГТИ (ТУ) и архив, дело № 271. 1935/36 уч.г.

копенко, Р.К. Терещенко. – Кн. 2. – Дніпропетровськ: Науково-редакційний центр обласної редколегії по підготовці й виданню тематичної серії книг "Реабілітовані історією"; Вид-во "Моноліт", 2008. – 1118 с.). Вспоминаем: в 1931 году заключили под стражу и Наталью Сарач. "Под арестом находилась 5-6 месяцев. Освобождена без последствий". Весьма возможно, что между задержанием и кратковременным заключением отца и дочери была связь... Обстоятельство, что сын, который с родителями жил в Мелитополе, в 1931 году не был арестован, можно бы объяснить его несовершеннолетием.

Об отчине Натальи в течение долгого времени ничего не удавалось узнать. Однако, в конце концов, минимум необходимых сведений по моей просьбе смогла раздобыть Наталья Высоцкая в феврале 2010 г. в Госархиве Автономной республики Крым (ГААРК; Симферополь) из фонда "Курортный трест (куртрест) общесоюзного значения (Южного берега Крыма) Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, г. Ялта". Врач Люциан (!) Романович Ивановский – род. в 1876 году в Ленинграде, высшее образование (выпускник Военно-медицинской академии в 1900 г.), беспартийный¹⁵⁸, женат на Ольге Александровне Шабуневич, "имена и время рождения детей, адрес их: Наталия 1909 (!) года"¹⁵⁹, на службе этого управления (треста) состоял с октября 1926 г. по март 1930 г. "в следующих должностях:

1) С 20-го октября 1926 года – главврач Медуправления Крымкурупра, а с 1-го января 1927 года – главврач курортов Южного берега Крыма, состоя одновременно с 1-го мая 1927 года по 8-ое марта 1928 года – в должности директора Центральной Поликлиники Южкрымкурупра в Ялте, с возложением на него с 8-го марта 1928 года обязанностей главсанврача курортов. –

2) С 17-го мая 1928 года по 10-е марта 1930 года в должности главсанврача курортов Южного берега Крыма с совмещением обязанностей главврача курортов. –

Освобожден от занимаемой должности, согласно его заявления"¹⁶⁰.

По всей вероятности Л.Р. Ивановский вынужден был уйти с работы по причине болезни. Однако о месте его смерти в сентябре 1931 г. до сих пор точно ничего неизвестно. Возможно, это была Москва.

В "Списке по службе врача Ивановского Люциана Романовича", составленном 17.11.1926 г., кроме приведенных выше данных, особенный интерес представляют следующие сведения: до 1 марта 1917 г. (до

Февральской революции) он работал "начальником госпиталя № 4 РОКК [Российское общество Красного Креста]", а "с 1917 года в Ставке Главковерха [Верховного главнокомандующего]"; а на вопрос "Служил ли в Красной Армии, и с какого времени и на каких должностях" Ивановский отвечает: "Со дня основания Военно-санитарного инспектора при Военном совете и Военно-санитарным инспектором Реввоенсовета Республики". Под Революционным военным советом Республики (с августа 1923 г. – СССР) имеется ввиду коллегиальный орган высшей военной власти. Вспоминаем: Наталья Сарач в беседе с С.А. Семеновым (1937 год) подчеркнула, что И.С. Уншлихт "хорошо знал Ивановского"; с 1923 года Уншлихт был членом, а с 1925 по 1930 гг. заместителем председателя Реввоенсовета СССР. В графе "Фамилия, имя и отчество ближайших родственников (отца, матери, братьев, сестер, адрес их" списка по службе 1926 года Ивановский написал: "Мать – Мария Петровна. Брат – Роман Романович. Сестры – Мария, Елена находятся в Польше, но где не знаю, сведений не имею", а в "Трудовом списке" Л.Р. Ивановского ("врача со стажем 18 лет"), составленном в 1930 году, в графе "Национальность" написано "поляк"¹⁶¹. По всей вероятности это явилось причиной того, почему Н. Сарач-Гирей как падчерица поляка – представителя одного из национальных меньшинств СССР, которые в году Большого террора подвергались репрессиям, в беседе с другими начинающими писательницами в 1937 году "категорически отрицала [...] факт ношения [очевидно в 1929 году. – Г.Х.] фамилии Ивановской", а также изменила отчество "Люциановна" на "Дмитриевна".

* * *

8.

Вернемся к роковому для Натальи 1938 году. Вышеупомянутый писатель и переводчик Д.И. Выгодский был арестован 14 февраля того же года – сразу же после заседания секретариата ЛО ССП, в котором он как член правления участвовал, а именно совместно с женой Э.И. Выгодской, детской писательницей, переведенной на заседании из кандидатов в члены ССП¹⁶². Выгодский был 23 июля 1940 г., обвинен в совершении преступлений по ст. 58-8 УК РСФСР (террористические акты), 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда) и 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления), приговорен к 5 годам ИТЛ; умер в 1943 году в Карагандинском ИТЛ¹⁶³. З.Ш.

¹⁵⁸ ГААРК, р.2758-1-111, л.285 об.

¹⁵⁹ Там же, л.255 с об.

¹⁶⁰ Там же, л.282.

¹⁶¹ Там же, л.285 об.

¹⁶² См.: РГАЛИ, 631-15-319, лл.6-7 (здесь: л.6).

¹⁶³ См.: Распятые. Писатели – жертвы политических репрессий. / Авт.-сост. З.Л. Дичаров. Ист.-мемор. комис. Союза писателей Санкт-Петербурга – Северо-Запад, т.1: Тайное становится явным. – СПб, 1993, с.127-128.

Тененбойм в письме ко мне высказал предположение: не исключено, что обвиненная по ст. 58-10 и 58-11 УК Наталья Гирей 1 апреля 1938 г. была арестована в порядке продолжения "дела" Выгодского, "за связь с врагом народа"...

Арест Н. Гирей обязывал руководство "Ленсоюза" предпринять меры против тех двух активистов из своих рядов, которые были ответственны за принятие в апреле 1937 г. начинающей писательницы в кандидаты на членство в ССП. Соответствующие документы мне удалось обнаружить среди копий материалов Ленинградского отделения, которые сохранились в РГАЛИ (фонд Союза советских писателей). Они также подтверждают, что Н. Гирей, несмотря на жестко отрицательную оценку ее повести А. Макаренко, до ареста была полноправным кандидатом в члены ССП. Следовательно, арест не был инициативой Союза писателей.

Вот два протокола заседаний секретариата "Ленсоюза". В них, в частности, удостоверяется:

1. Заседание от 13 марта 1938 г.

"Слушали: О т. Гирей.

Постановили: Просить т. Семенова С.А. связаться с администрацией Гос. Университета от имени Союза Писателей и просить о выдаче стипендии т. Гирей"¹⁶⁴.

2. Заседание от 14 апреля 1938 г.

"Слушали: Об исключении Гирей из Союза Писателей.

Постановили: Исключить Гирей из Союза Писателей, как арестованную органами НКВД.

На след. заседании Правления вызвать т.т. Козакова и Мессер для обсуждения рекомендации Гирей в Союз"¹⁶⁵.

Протокол соответствующего заседания правления ЛЮ ССП все еще не удалось обнаружить, поэтому пока неизвестно, какие меры были приняты в отношении этих лиц. Во всяком случае, они не были репрессированы и все еще могли продолжать заниматься своей писательской и редакторской работой. Известно, что Козаков после войны выступал как автор-драматург сценических постановок произведений Макаренко (!), а Мессер в 1950 году получила степень кандидата филологических наук¹⁶⁶.

О первых этапах пребывания Н.М. Сарач-Гирей в застенках НКВД Пермской (Молотовской) области информирует архивная справка № 346730 от 17.11.2009 г., полученная ростовской писательницей Га-

линой Ульшиной¹⁶⁷ из архива Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний (ГУФСИН) по Пермскому краю, г. Соликамск (через Ростовское УФФСБ). В этой справке, составленной на основании архивной карточки № 26975, говорится следующее: "Сарач-Гирей Наталья Моисеевна, 1910 года рождения, русская, электромонтажница, уроженка г. Ленинграда. Осуждена 08.10.1938 г. О[собо]м] С[ове]щением] НКВД СССР за контрреволюционную агитацию сроком на 5 лет. Начало срока 01.04.1938 г. Конец срока 01.04.1943 г. В Усольлаг прибыла 20.11.1938 г., в Комендантский Отдельный Лагерьный пункт (КОЛП) Соликамского района Молотовской области (ныне Пермского края) прибыла 29.04.1939 г., в пересыльный пункт Соликамского района [...] прибыла 16.05.1939 г., убыла 31.10.1939 г. в Соликамскую тюрьму [...]"

Дополнительная информация о Сарач-Гирей включена в другую архивную справку (№ 90 от 21.01.2010 г.), которую Г.Г. Ульшина получила из УФФСБ по Пермскому краю. В этом документе, составленном на основании архивного уголовного дела № 8794, ф.643/2, оп.1, карточки № 26975, хранящейся в Пермском госархиве новейшей истории, о Н.М. Сарач-Гирей, среди прочих, говорится следующее: "уроженка г. Новороссийска, русская, образование среднее, служащая, беспартийная, социальное происхождение – из дворян, дочь Казачьего есаула (!), отец служил в белой армии, в 1920 году расстрелян красными". Таким образом осужденная несомненно стремилась скрыть свое караимское происхождение.

Как свидетельствует Книга памяти жертв политических репрессий Пермской области "Годы террора", Н. Сарач-Гирей во время отбывания наказания получила "второй срок": она вновь была приговорена за "контрреволюционную агитацию", в этот раз на десять лет. В пермской книге указано: "Сарач-Гирей Наталья Максимовна, р. 1910, г. Новороссийск, Краснодарский край. Русская. Арестована 25.07.1939. Место ареста: ОЛП Селянка Усольлага НКВД. Осуждена 05.11.1939. Обвинение: КРА. Приговор: 10 лет лишения свободы"¹⁶⁸. И вновь репрессированная представлялась не Натальей Моисеевной, а Натальей Максимовной, и родилась не в Ленинграде, а в Новороссийске.

О вынесении приговора "десять лет ли-

¹⁶⁴ РГАЛИ, 631-15-319, л.10.

¹⁶⁵ Там же, лл.12-16 (здесь: л.16). Постановление секретариата "об исключении Гирей" было подтверждено на заседании правления ЛЮ ССП совместно с активом от 23.04.1938 г.; см.: РГАЛИ, 631-15-319, л.18.

¹⁶⁶ См.: там же, 631-24-206, л.28.

¹⁶⁷ Как сообщает Г.Г. Ульшина в письме к автору от 23.09.2009 г., она собирает материал для романа, в основу которого ляжет жизнь Н.М. Сарач.

¹⁶⁸ <http://politarchive.perm.ru/book/375.htm>

шения свободы" в вышеупомянутой второй архивной справке более подробно говорится: "1 октября 1939 года осуждена Постоянной сессией по уголовным делам Пермского областного суда в г. Соликамске по рассмотрению дел Усольяга НКВД. Обвинялась в том, что, отбывая наказание в Усольяге НКВД, проводила среди заключенных контрреволюционную агитацию, клеветала на советскую власть, восхваляла фашистский строй в Германии, срывала выполнение производственного плана, систематически отказывалась от работы. Суд, считая, что Сарач-Гирей Н.М. является особо опасным элементом в лагерной жизни, приговорил подвергнуть ее по ст.58-10 ч.2 к высшей мере наказания – расстрелу.

5 ноября 1939 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР переквалифицировала преступление Сарач-Гирей Натальи Максимовны на ст.58-10 ч.1.УК РСФСР и определил меру наказания 10 лет тюремного заключения с поражением в правах 5 лет.

В связи с тем, что Верховный суд в своем решении не указал начало отбывания срока, 7 апреля 1948 года Молотовской областной суд вынес определение: начало срока осужденной Сарач-Гирей Н.М. исчислять с момента вынесения приговора 1.10.1939 года. Копия указанного дела была выслана в тюрьму г. Владимира". В этом застенке она на тот момент (апрель 1948 г.) очевидно находилась – возможно и до конца срока тюремного заключения (01.10.1949 г.). Однако до сих пор мы не точно знаем, когда Сарач-Гирей освободили из заключения. После этого она могла быть сравнительно свободной – но бывшие заключенные, как известно, "поражались в правах", т.е. им не разрешили выехать за черту оседлости.

Между тем, сведения, записанные в электронном справочнике "Жертвы политического террора в СССР", значится: "Сарач-Султан-Гирей Наталья Максимовна, родилась в 1910 г., Краснодарский край, арестована в 1950 г."¹⁶⁹. Источник: "Книга памяти Республики Киргизия".

Подробности об этом "третьем сроке" долго не были известны. Но в конце декабря 2009 г. Галина Ульшина на свой запрос в УФСБ России по Ростовской области получила ответ, в котором данное управление информирует, что "по сведениям, полученным из ГИАЦ МВД России, значится:

"Султан (Сарач-Гирей) Наталья Максимовна, 1912 (1910) года рождения, уроженка ст. Новороссийская, была осуждена [...] 28.11.1950 года Судебной коллегией Ис-

сык-Кульского облсуда Киргизской ССР по ст.58-10 ч.2 УК к 10 годам лишения свободы.

Освобождена 09.07.1956 года по Определению Молотовского облсуда от 04.07.1956 года в соответствии с указом от 14.07.1954 года из мест лишения свободы Молотовской области. Постановлением ПВС Киргизской ССР от 15.02.1990 года приговор 28.11.50 отменен за отсутствием состава преступления. Архивный номер 9884-СУ КГБ Киргизская ССР". Как видно из письма УФСБ России по Ростовской области № 115/6/13-У-1277 от 01.02.2010 г. к Г.Г. Ульшиной, в адрес данного управления "поступил ответ из УГСНБ Кыргызстана следующего содержания:

"По материалам архивного уголовного дела Сарач-Султан-Гирей Наталья Максимовна, 1910 г.р., уроженка ст. Новороссийская, Краснодарского края, по национальности черкешенка (!), беспартийная, образование высшее, преподавала английский язык в школе, разведена (!), детей нет. Имеет две судимости: первый раз судима в 1938 году ОС при НКВД СССР по ст.58-10 ч.2 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы; в 1939 году Пермским областным судом за антисоветскую агитацию в местах лишения свободы по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

07.09.1950 года арестована по признакам ст.58-10 ч.1 УК РСФСР. До ареста проживала в совхозе "Тамчи" Иссык-Кульской области, Киргизской ССР. Работала сторожем на Рыбачинском лесоплавном комбинате.

23. [28.?]11.1950 года решением Судебной коллегии по уголовным делам Иссык-Кульского областного суда приговорена к 25 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

08.02.1955 года решением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Киргизской ССР приговор изменен, и мера наказания снижена до 10 лет ИТЛ.

15.02.1990 года Постановлением Президиума Верховного суда Киргизской ССР дело в отношении Сарач-Султан-Гирей Н.М. производством прекращено за отсутствием состава преступления". Как говорится в пермской архивной справке от 21.01.2010 г., "Сарач-Гирей была реабилитирована 22 декабря 1992 года".

* * *

9.

В Ростове-на-Дону Н.М. Сарач жила с 1976 года¹⁷⁰.

Как свидетельствует А.Н. Крахалев (ди-

¹⁶⁹ Курсив от меня; Г.Х.

¹⁷⁰ Информация Г.Г. Ульшиной в письме к автору от 29.09.2009 г. Раньше, после освобождения из ГУЛАГа, Наталья жила у родственников в Батайске Ростовской области; см. письма Г.Г. Ульшиной к автору от 27.09.2009 г.

ректор издательства "АКРА" и автор проекта по изданию произведения Н. Султан-Гирей "Дитя века") в телефонном разговоре с Э.Ш. Тененбоймом (30.10.2008 г.), в заключении Наталья написала "с десятков книг", а после распада СССР успела опубликовать в названном издательстве (также под фамилией "Султан-Гирей") два своих исторических романа, действие которых разворачивается в Италии: "Рубикон" (о Цезаре; 1993) и "Флорентийский изгнанник" (о Данте; 1996)¹⁷¹. В 1995 году в возрасте 85 лет Наталья Султан-Гирей была принята в Союз российских писателей¹⁷².

О трудностях найти издательство для публикации своих произведений свидетельствует часть рукописи романа о Данте, которую Галине Ульшиной в мае 2010 г. удалось обнаружить в связке бумаг из наследия ростовской писательницы. На титульном листе данного экземпляра написано: "Изгнанник. Повесть о Данте", а как имя автора: "Стефано Уберти", и внизу приписка: "Перевод с итальянского – Н. Султан-Гирей". Уберти – фамилия известная с времен Флоренции, но писателя Стефано Уберти невозможно найти. Решение Натальи выдавать свое произведение за повесть иностранца и самой выступать в роли его переводчицы, по-моему можно понимать тактический прием изобретательного поневоле автора – так она хотела привлечь издателя.

В Ростове Наталья жила в очень бедных условиях – первые годы летом в угольном сарайчике, а зимой в уголке, где стояла ее кровать. Затем у нее появилась собственная квартира. Преподавая английский и немецкий языки, она договаривалась с родителями своих учеников об условиях: у одних обедала, у других раз в неделю принимала ванну. Позже она вела практику по английскому языку у студентов медицинского института – африканцев, арабов. Много работала в библиотеках¹⁷³.

На основании справки о захоронении Н.М. Султан-Гирей 12 сентября 2001 г. (выданной О.А. Лукьянченко администрацией Северного кладбище г. Ростова-на-Дону 26.04.2010 г.), можно сделать вывод, что показания некоторых достоверных

свидетелей (В.В. Безбожного, И.И. Бобовича, Галины Цой,) в беседах с Г.Г. Ульшиной о том, что писательница умерла 8 сентября 2001 г.¹⁷⁴ на 92-м году жизни, соответствуют действительности, а дата смерти 9 августа 2001 г., включена в книгу "Дон литературный" (гл. редактор и составитель Г. Губанов; Ростов, 2006, стр.400-401), ошибочная.

После кончины писательницы в ростовском журнале "Донское слово" были опубликованы несколько глав из ее обширного художественного произведения автобиографического характера "Дитя века".

Сообщение А.Н. Крахалева, запись в электронном справочнике "Biografija.ru" (2006-2008)¹⁷⁵ и краткий очерк-портрет Султан-Гирей (включенный в книгу "Культура Дона в лицах: эксклюзивное досье: биографические очерки"; Ростов, 1997), позволяют сделать вывод, что эти новые биографические данные были составлены и отобраны самой писательницей. Предстоит проверить, что в них вымысел, а что правда:

1. "Родилась 22 августа 1910 г.¹⁷⁶ в Генуе, Италия (?!)".

2. "У нее прекрасное образование": "окончила (?) ф-т языково-материальной культуры ЛГУ"; "говорит на итальянском, французском, английском и испанском языках".

3. "Только за то, что родом она происходила из известной семьи, Наталья Максимовна Султан-Гирей шесть лет провела в лагерях ГУЛАГа".

В журнале "Донское слово" (главный редактор: А. Крахалев) были опубликованы пять частей из произведения "Дитя века" с подзаголовком "Повесть о моей современнице". Эти весьма объемистые публикации 2006-2007 гг.¹⁷⁷ подтверждают вышеупомянутое высказывание А.Н. Крахалева в телефонном разговоре с Э.Ш. Тененбоймом о том, что данное произведение ориентировано в значительной степени на автобиографию его автора. Так, "современница" тоже родилась в 1910 году, важнейшие события повести происходят в Кры-

¹⁷¹ Рукопись третьего исторического романа Н. Султан-Гирей "Митридат", которую она, очевидно, представила для публикации в одно из московских издательств, хранится в РГАЛИ (631-1-9). По крайней мере еще одна рукопись повести ростовской писательницы, как сообщает Г.Г. Ульшина в письме к автору от 08.11.2009 г., в Ленинграде была передана в один из журналов, но опубликована, по всей вероятности, под чужой фамилией.

¹⁷² Информация Г.Г. Ульшиной в письме к автору от 18.10.2009 г. Во время первой встречи с председателем Ростовского отделения СРП Н.М. Егоровым Наталья Максимовна Султан-Гирей так объясняла свое происхождение: "Султан-Гирей – мусульмане. А бабушка моя – итальянка, а мама – француженка. Обе католички"; см. книгу Егорова "Мастера: воспоминания о писателях и художниках" (Ростов-на-Дону, 2005, с.126).

¹⁷³ Информации Г.Г. Ульшиной в письмах к автору от 29.09., 04.10.2009 г.

¹⁷⁴ Информация Г.Г. Ульшиной в письме к автору от 27.04.2010 г.

¹⁷⁵ http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=122344

¹⁷⁶ В справочнике "Biografija.ru" опечатка: родилась "22.02 (!).1910". Правильная дата 22.08.1910 г.

¹⁷⁷ "Донское слово", № 1/2006, стр.9-55; № 2/2006, стр.33-58; № 3/2006, стр.89-128; № [14/2007, стр.39-63; № 2(5)/2007 (подпис. к печати 02.10.2007 г.), стр.30-57.

му, месте происхождения родного отца писательницы, его предков и родни; главная героиня повести росла при матери и отчине – Люциане Ромуальдовиче ("Люцик"), красном командире в генеральской должности (в повести, однако, отец не рано ушел от жены, а – что является более героическим поступком – погиб в мировую войну). Бросаются в глаза также совпадения возраста и причины неожиданной смерти действительной и литературной матери, нерегулярное обучение дочери в школе, смерть отчима и прочее. Однако самое приметное – точное совпадение весьма редкой фамилии: мать писательницы – Ольга Шабуневич, а в повести мать главной героини зовут Ольга ("Олечка"), но фамилия итальянская; зато отчим имеет фамилию Шабуневич.

Примечательна также и трансформация происхождения "современницы", которая в повести носит имя Валерия. Ее дед и бабушка (по материнской линии) в свое время выехали в Италию, где она и родилась (в Генуе). Отец Валерии изображен весьма положительным "русским офицером", выпускником элитарного петербургского пажеского корпуса¹⁷⁸, "князем"¹⁷⁹, "красавцем"¹⁸⁰. Зовут его Селим-бей, из чего следует, что Валерия из крымских татар и "княжна"¹⁸¹. Возвращение матери с девочкой в Россию (о котором упомянуто сразу же в начале произведения) датировано временем, когда дочери "двух лет не было"¹⁸² – больше чем через год после крестин будущей писательницы, которые, как это показано выше, состоялись еще в год ее рождения в С.-Петербурге.

Нерусское происхождение матери сохранено в повести, где она фигурирует как "иностранка"¹⁸³; в то же время здесь есть лишь беглое, безразличное или нелестное упоминание о караимах¹⁸⁴. На их месте в произведении "Дитя века" – крымские татары. Так что по автору и содержанию повести Валерия предстает перед читателем как: "Азиатка! Настоящая татарка!"¹⁸⁵, "татарская девушка"¹⁸⁶, которая "ненавидела в себе эту дикую азиатскую кровь, не

сознавая, что именно это Чингисханово наследие придает ей и жизнестойкость, и отважность"¹⁸⁷.

Впрочем, выбор писательского псевдонима "Гирей" в 1937 году, отмеченном российским национализмом, должен рассматриваться в значении "декараимизации" происхождения отца Н. Сарач. И спустя полвека, в "главной книге ее жизни", как говорится в "Слове редактора" в связи с публикацией первой части повести "Дитя века"¹⁸⁸, Наталья поднимает эту престижность на немислимую высоту. Теперь она Султан-Гирей, прямой потомок рода Чингисхана¹⁸⁹.

Имя "Гирей" известно давно. Это могущественная династия крымских ханов (XV-XVIII вв.), потомки которой после присоединения Крыма к Российской империи имели немалые заслуги перед ней и соответствующие высшей знати привилегии. Только после развала Советского Союза Н. Султан-Гирей призналась в своем происхождении и стала членом Ростовской караимской национально-культурной общины, что удостоверял его многолетний председатель И.И. Бобович¹⁹⁰. Интересная деталь: в беседе с приятельницей Н. М. Султан-Гирей, Галиной Цой, русской женщиной, Бобович утверждал, что "Н.М. приняла караизм как вероучение"¹⁹¹.

В противоположность "Слову редактора" произведение "Дитя века", по всей вероятности, является не "последним романом"¹⁹² писательницы. Необходимо исходить из того, что эта повесть была задумана и даже в значительной степени написана еще при советской власти – иначе трансформацию национального происхождения главной героини повести по линии отца едва ли можно объяснить.

Предположение о раннем начале работы над этим произведением косвенно подтверждается авторскими данными при публикации его первых глав: вместо "Наталья Султан-Гирей" – под этим именем с 1993 года выходили в свет книги писательницы; под ним же она представлена в колонке редактора в соответствующем из-

¹⁷⁸ Там же, № 1, с.9.

¹⁷⁹ Там же, № 2, 2006, с.58.

¹⁸⁰ Там же, № 4, 2007, с.43.

¹⁸¹ Там же, № 2, 2006, с.57.

¹⁸² Там же, № 1, 2006, с.9.

¹⁸³ Там же, с.21.

¹⁸⁴ См.: там же, № 4, 2007, с.39.

¹⁸⁵ Там же, № 1, с.54.

¹⁸⁶ Там же, № 4, 2007, с.43.

¹⁸⁷ Там же, № 2(5), 2007, с.56.

¹⁸⁸ Там же, № 1, 2006, с.2.

¹⁸⁹ См.: там же, № 4, 2007, с.46. Редактор В. Безбожный, с которым Н. Султан-Гирей готовила свои вышеупомянутые два романа к публикации, в беседе с Г.Г. Ульшиной в ноябре 2009 г. рассказывал, что писательница считала себя потомком Чингисхана в 37 колене.

¹⁹⁰ В телефонном разговоре с Н.С. Высоцкой (Симферополь) в ноябре 2008 г.

¹⁹¹ Г.Г. Ульшина в письме к автору от 24.02.2010 г.

¹⁹² "Донское слово", № 1, 2006, с.2.

дании "Донского слова", а также в легенде к ее портретной фотографии на первой странице публикации – там, как и в оглавлении данного номера журнала, исходя, по всей вероятности, из авторской рукописи, создателем повести значителен "Наталья Гирей"¹⁹³. При публикации последующих частей эта "ошибка" была устранена.

Выбор фамилии Гирей позволяет, на мой взгляд, сделать вывод о том, что автор произведения "Дитя века" при работе над ним сначала намеревалась придерживаться использованного ей еще в 1937 году псевдонима "Наталья Гирей" и таким образом сознательно обращается к истокам своей писательской деятельности.

Данный анализ опубликованных частей повести "Дитя века", проведенный совместно с В.Г. Бейлинсом (Франкфурт-на-Майне), позволяют без сомнения сделать вывод о том, что Наталья Гирей и Наталья Султан-Гирей являются одним и тем же лицом. Эта гипотеза получила свое развитие в ходе переписки автора настоящей статьи с Э.Ш. Тененбоймом. Наше предположение до недавнего времени ставилось А.Н. Крахалевым под сомнение: в имеющейся у него полной рукописи "Дитя века" объемом почти в тысячу страниц нет упоминания ни о караимах, ни о произведении "68-я параллель".

Об этой своей первой публикации ростовская писательница по всей вероятности никогда не упоминала. Однако в материале, датированном мартом 2009 г., "Краткий биографический очерк Сарач Натальи Максимовны (литературный псевдоним Султан-Гирей)", составленного для меня И.И. Бобовичем, речь идет и о повести "68-я параллель". Указание на данное произведение последний в ноябре 2008 г. получил от моей симферопольской соратницы Натальи Высоцкой как ответ на вопрос о причине интереса "этого немца Хиллига" к писательнице.

"Краткий биографический очерк" представляет собой компиляцию бесед писательницы с ростовской журналисткой Е. Г. Джичоевой¹⁹⁴, дополненную информацией из опубликованных частей повести "Дитя века" (полная рукопись этого произведения неизвестна также и Бобовичу). О том, что к такому конгломерату сведений необходимо отнестись с предельным вниманием и сомнением, наводит на мысль следующий отрывок из очерка:

"[...] в 1926 г. она окончила Ленинградский университет – Романо-германское отделение, стажировалась в Кембридже. После окончания, в 16 лет, она первое время работала, где придется. В этот период она стала замечать, как исчезают бесслед-

но ее знакомые. Явно их арестовывали за принадлежность к богатым сословиям до революции.

Наталья поняла, что ей нужно немедленно убираться. Чтобы избежать этого, она нанялась разнорабочей в геологическую экспедицию. Позже она обратилась в Облоно и попросила направление на Север в Мурманский округ. Это был 1927 г., когда ей было 17 лет. Там она прожила несколько лет и преподавала английский язык. В Мурманске началась ее литературная деятельность, и ее первая повесть "68-я параллель" была опубликована в 1927 г. в журнале "Литературный современник". В 1928 г. в журнале "Наш современник" появились ее первые рассказы".

Согласно вышеупомянутым данным, подтвержденным документально, Наталья Сарач-Ивановская окончила в Ленинграде полный курс I-ой и II ступени единой трудовой школы, однако не в 1926, а в 1927 году, а в университете или иных вузах она никогда не училась. Утверждение "биографа" о том, что выпускница Ленинградского университета в 1926 году "стажировалась в Кембридже", следует также отнести к области фантастики. Как и подавляющее число граждан СССР, она никогда не покидала своей родины. То обстоятельство, что советских людей арестовывали "за принадлежность к богатым сословиям до революции", подходит скорее к первым годам советской власти и ко времени Большого террора, чем ко второй половине 1920-х гг. На Севере Наталья иностранных языков не преподавала, а если бы и преподавала, то это был никак не английский, а, скорее всего, немецкий – иностранный язык, который являлся одним из ее школьных предметов и широко преподавался в СССР вплоть до конца Второй мировой войны. Ее первая повесть "68-я параллель" действительно публиковалась в журнале "Литературный современник", как указано выше, но не в 1927, а в 1937 году. Данное ленинградское издание начало выходить лишь с 1933, а московский "Наш современник" – с 1956 года. О том, что в этом или в другом печатном издании "появились ее первые рассказы", до сих пор ничего не известно.

Как следует из "Краткого биографического очерка", Наталье Сарач (именно с такой фамилией) – по совету редакции московской газеты "Караимские вести", которая выходит с 1994 года – в 1996 году удалось связаться с только что организованной Ростовской караимской общиной под председательством И.И. Бобовича. Последний, принимая соответствующие данные по поводу фамилии отца героини из повес-

¹⁹³ Там же, с.9.

¹⁹⁴ Данные газетные материалы мне любезно открыла Г.Г. Ульшина.

ти "Дитя века" за чистую монету, в своем очерке пишет: "Отец ее – Сарач Селим-бей – принадлежал к богатому старинному караимскому (!) роду".

Особо следует упомянуть высказывания Бобовича о периоде, когда Наталья Гирей была репрессирована – 1938 г. и последующие. Что же могло послужить причиной того, что она не сообщила правдивые сведения о своем аресте, троекратном осуждении и отбывании срока в трудовых лагерях и тюрьмах? По всей вероятности ей не хотелось, чтобы общественность узнала о роли А.С. Макаренко в клеветнической кампании против нее в 1937 году – не в последнюю очередь из-за его канонизации к началу 1940-х гг. как выдающегося советского педагога. Она, без сомнения, знала об авторе разгромной рецензии еще до осуждения и направления в ГУЛАГ. Не меньшим поводом к молчанию послужила и надежда на будущую карьеру писательницы, в которую она твердо верила, и сама обстановка в стране, вынуждавшая молчать.

Как же она описывает этот трагический период ее жизни в беседах с третьими лицами и, по всей вероятности, также в произведении "Дитя века"? Она причисляет себя к прославленным жителям города на Неве, которые стойко переносят блокаду, и "отодвигает" свой арест на 12 лет – уже на послевоенное время. Вот как об этом сказано в очерке: в конце 1930-х годов, "в Ленинграде, она выходит замуж за военного летчика – корейца Цоя. В 1941 г. начинается война, и муж ее уходит на фронт. Эвакуироваться она не стала, потому что не могла оставить больную тетю, которую очень любила, и которая была не транспортабельна для переезда. Так началась ее тяжелая блокадная жизнь. Тетя вскоре умерла, и она осталась одна, испытывая все тяготы блокадного города. В 1944 г., после прорыва блокады, ее эвакуировали в военный госпиталь в Сибири".

И далее говорится в очерке Бобовича: "После окончания войны в 1945 г., она тут же вернулась в Ленинград, где вскоре ее нашел муж. Так как муж был военнослужащим, его направили служить на границу в поселок Рыбачий около озера Иссык-Куль, и там [в Киргизской ССР] они стали жить. Как-то раз у них собрались летчики, друзья мужа. Немного выпили и стали говорить, что наши самолеты – летучие гробы, а вот американские самолеты намного лучше. Одна из жен летчиков донесла, и всех мужчин арестовали, а через три дня взяли и ее. Наталью обвинили в стремлении подбить военных летчиков на измену и ее приговорили к высшей мере наказания. Однако обнаружилось, что Наталья ждет ребенка, и ей расстрел заменили 25 годами лагерей. Позже ребенок родился мертвым, и возвращать прежний приговор не стали.

Это был 1950 год, и ей было 40 лет".

Что касается меры наказания, то здесь есть значительный перегиб. В 1950 году начинающая писательница, согласно вышеупомянутому данным, была осуждена к лагерям, а не к смерти. Кроме того, не известно ни одного случая, чтобы представитель репрессированного национального корейского меньшинства во второй половине 1930-х годов мог стать в Красной армии боевым летчиком, офицером. Конечно, не исключено, что представитель одной из тех национальностей, которые во время сталинского террора были подвергнуты репрессии, получил свою подготовку летчика еще в более ранний период.

Ключ к решению "корейской загадки" удалась найти Г.Г. Ульшиной. В письме от 8 ноября 2009 г. она мне писала: "Приятельница Наталья Максимовны, Галина Цой (!), вспоминала рассказ Н.М. о том, что муж-летчик в компании друзей высказался о сыне Сталина таким образом: "Васька Сталин сделал себе погоню на наших крыльях". После чего был донос на всех присутствующих и арест. Сама же Н.М. шла по другой статье – как предатель Родины. Причина была в том, что Н.М. действительно помогла денщику своего отчима перейти советско-китайскую границу. При чем перебежчик убил двух пограничников, но перешел границу. Она сама говорила так: "Я сидела за дело"". В другом письме Г.Г. Ульшиной (от 24.11.2009 г.) речь идет о том, что летчик Цой Сик был не законным мужем Н. М. Сарач, а гражданским, вскоре ее возлюбленным.

Более полное представление об отношении этих двух людей я получил в связи с вышеупомянутым сообщением УГСНБ Кыргызстана от января 2010 г., адресованным УФСБ России по Ростовской области. Об этой новости Галина Ульшина меня информировала в письме от 06.02.2010 г.

В данном сообщении из Кыргызстана говорится, что "по материалам архивного дела Цой Сик, 1898 года, уроженец г. Канни (Корея) – по национальности кореец, исключен из рядов ВКП(б) в 1937 году за контрреволюционную деятельность, летчик, директор совхоза им. Баумана, Каракольского р-на Киргизской ССР.

Состав семьи – жена Цой Ядвига Фоминична, 1899 г.р.; дочь Цой Тереза (дата рождения не указана). На момент ареста проживали: г. Ленинград, Петроградская сторона, корп.20, кв.23.

Арестован в августе 1937 года по признакам преступления, предусмотренным ст.58-6 ч.2 УК РСФСР (шпионаж в пользу Японии).

26.09.1938 года решением Тройки НКВД Киргизской ССР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфис-

кацией имущества. Приговор приведен в исполнение 02.10.1938 года. Место захоронения неизвестно.

13.06.1989 года Постановлением Военной прокуратуры ТУРКВО – Цой Сик реалитирован посмертно”.

Дополнительные данные об обвинении Цой Сика содержатся в “Выпуске из протокола № 12 Заседания тройки Н.К.В.Д. Киргизской ССР от 25 сентября 1938 г.”, который Г.Г. Ульшина получила в феврале 2010 г. Здесь говорится:

“СЛУШАЛИ: 20. Дело № 2351-3-0 дело УТБ НКВД по обвинению Цой Сик, 1898 г.р., кореец, род. город Канам (Корея), служащий, исключен из рядов ВКП(б) в связи с арестом, гражданин СССР.

С 18 по 21 год неоднократно нарушал границу из Китая в СССР и обратно. Обвиняется в том, что в 1937 году на райпартсобрании выступил на защиту врагов народа: Троцкого, Зиновьева. Работая директором совхоза, окружил себя чуждым элементом, проводил вредительство, уничтожая скот, вел к/р агитацию. Содержится в тюрьме города Фрунзе.

ПОСТАНОВИЛИ: Цой Сик РАССТРЕЛЯТЬ, имущество конфисковать”.

В письме от 09.02.2010 г. Галина Ульшина цитированные выше документы из Кыргызстана поясняет таким образом: данные о летчике Цой Сике она “нашла в архивах Качинского высшего военного авиационного училища – он там, в музее, в списках по базе № 4813, проходит как выпускник 1926 года летного авиа-училища, с комментарием: качинец-интернационалист. Это же училище заканчивал и Василий Сталин – по воспоминаниям именно в его полку Цой Сик и воевал”. По рассказам вышеупомянутой Галины Цой, много лет знавшей Н.М. Султан-Гирей, она “познакомилась с Цой Сиком в Ленинграде, когда он пролечивался в госпитале, и у них началась любовь. Предварительно она написала ему на фронт [очевидно в Испанию. – Г.Х.] письмо – раньше так было принято, чтобы девушки через газеты поддерживали письмами бойцов, а его фото в составе эскадрильи было напечатано в газете. [...] у них завязался роман в письмах – а потом и свидания в Ленинграде”.

На момент ареста Цой Сик очевидно был в гостях со своей женой, с которой он, по свидетельству Галины Цой, тогда уже находился в состоянии фактического развода. Рецензия Макаренко в конце июля 1937 г. и арест Цоя в августе того же года, несомненно, явились двойным ударом для Н.М. Сарач. В результате она попала в психбольницу. Вспомним, что 13.09.1937 г. Наталья писала С.А. Семенову: “У меня отняли право на мое человеческое горе”...

В письме от 10.02.2010 г. Галина Ульшина мне писала: “Очевидно одно: любовь к корейскому герою-летчику Цою она про-

несла через всю жизнь. Это отмечают многие свидетели: и соседи, и литераторы, и Галина Цой”.

Вернемся все же к цитированному выше “Краткому биографическому очерку Сарач Натальи Максимовны (литературный псевдоним Султан-Гирей)”. Здесь о пребывании писательницы в учреждениях ГУЛАГа Бобович пишет: “Ее направили на Сахалин, мыс Лазарева, на строительство подводного канала. Но, пока ее везли, выяснилось, что канал уже не нужен, и ее направили на лесозаготовки. Так началась ее лагерная жизнь.

Практика властей была такова – нигде осужденных на одном месте более полутора лет не держали, ибо человек, осмотревшись с обстановкой, мог убежать. В 1953 году, после смерти Сталина, статью об антисоветской пропаганде отменили, прошло еще три года, и в 1956 году она вышла на свободу. Так она прожила в лагерях 6 лет [в действительности почти 18 лет: с 1938 по 1949 гг. и с 1950 по 1956 гг. – Г.Х.]. Будучи в заключении, дух литератора, писателя у нее оставался. В конце срока заключения она некоторое время [работала] на швейной фабрике в Хабаровске”.

По утверждению И.И. Бобовича, Наталья Сарач обладала феноменальной памятью. Поэтому после освобождения ей удалось воспроизвести на бумаге все задуманные еще в ГУЛАГе произведения, и “благодаря ее таланту и памяти, весь сочиненный текст ложился в голове страница за страницей. Это был компьютер в ее мозгу”. И если о качестве произведений Н. Сарач существуют разные мнения, то ее упорство и выдержка на пути к исполнению мечты стать писательницей, без всякого сомнения, заслуживают уважения.

Выявленные на сегодняшний день источники, на мой взгляд, позволяют решить загадку о месте рождения Натальи Сарач-Ивановской-Султан-Гирей следующим образом: это был не Ленинград (С.-Петербург), где будущую писательницу крестили по канонам евангелическо-лютеранской церкви в соответствии с религиозным происхождением ее матери, а село на Кубани, судя по всему: “место избою” Мысхако, неподалеку от Новороссийска – вероятно, поместье семьи ее отца-караима (Моисея Сарача). Последний уже вскоре после рождения ребенка развелся со своей женой и начал новые отношения с другой женщиной; второй брак заключила также и мать Наталья (Ольга Шабуневич-Сарач-Ивановская). Вполне очевидно, что мать не хотела показывать караимское происхождение первого мужа. Позднее последовала примеру матери и сама начинающая писательница (Гирей, Султан-Гирей), объявив отчима родным отцом и перенеся место своего рождения в далекую Геную.

* * *

10.

Что же все-таки побудило Макаренко написать рецензии на произведения Натальи Гирей и Николая Вирты? В истории с Гирей можно сделать предположение, что именно Фадеев склонил Макаренко к ознакомлению с повестью ленинградской писательницы, к тому же Олимпиада Витальевна Макаренко, племянница педагога-писателя, которая до лета 1938 г. жила в его семье, рассказывала мне, что между ними существовали "близкие отношения": "Фадеев почти каждый день бывал у нас".

Но такого еще не было летом 1937 г., когда появились обе макаренковские рецензии. Как явствует из корреспонденции Фадеева¹⁹⁵, его записных книжек¹⁹⁶ и тогдашних сообщений прессы, после санаторно-курортного лечения в Ялте (в апреле-мае) он в конце июня поехал в составе делегации советских писателей на Второй международный конгресс писателей в защиту культуры через Париж в испанскую Валенсию и, наконец, снова в Париж, о чем Макаренко (брат которого, бывший "белогвардеец", живший в то время во французской столице¹⁹⁷) мог только мечтать. В Москву Фадеев вернулся лишь 23 августа того же года¹⁹⁸.

Макаренко, в свою очередь, уже в начале июня, то есть раньше Фадеева, уехал вместе с семьей для работы над "Книгой для родителей" в украинскую деревню (Вышняя Дубечня на Десне), где не было телефонного сообщения, в результате чего он стал практически недоступен для своих московских коллег. Об этом свидетельствует и следующая запись в дневнике Макаренко: "8-29 июня. Дубечня. Написал от 6 до 12 листа включительно – 7 печатных листов КДР. Работалось хорошо. Никто не мешал"¹⁹⁹. По этой причине он ничего не знал об активной позиции Центрального союза писателей в связи с проводившимся тогда закрытым процессом над Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими крупными военачальниками, обвиняемыми в шпионаже и заговоре. В коллективном "письме" 44-х писателей от 11 июня

1937 г., опубликованном через четыре дня в "Литгазете", выражалось требование немедленно расстрелять всех обвиняемых (что и было приведено в исполнение 12 июня). В подписях под этим документом 31-м идет Б. Пастернак, а 34-м значится Макаренко²⁰⁰. Впоследствии стало известно, что некоторые фамилии были добавлены к этому списку помимо (в их числе – Макаренко) или даже против воли самого "подписанта" (например, Пастернак)²⁰¹.

Тот факт, что Макаренко в конце июня 1937 г. не был в Москве, не исключает того обстоятельства, что после возвращения из Украины он в ССП мог получить "заказ" Фадеева на разгромную рецензию повести Н. Гирей – и попутно – соответствующих изданий "Литературного современника", в которые она была включена. Дело в том, что Фадеев, будучи членом Правления ЛенССП и одним из ответственных секретарей Правления ССП СССР, 25-26 июня, т.е. до своего отбытия в Испанию, задержался в городе на Неве для участия в собрании ленинградских литераторов²⁰². Следовательно, Фадеев, по всей вероятности, собирался на месте получить представление о положении дел местной организации²⁰³.

В Ленинграде Фадеев узнал о "протекции" Н. Гирей. Критическая рецензия на ее повесть в авторитетной "Литгазете", сделанная таким специалистом по "перевоспитанию", как Макаренко, могла дать Фадееву и его ленинградским сторонникам хороший повод для кадровой перетряски в среде литераторов бывшей столицы. Примечательно, что в письме Ставского к Фадееву через год (29 мая 1938 г.) значится следующее: "Как тебе известно, в Ленинграде большая группа крупных писателей-беспартийных. Коммунистов-писателей в Ленинграде немного, они в общем слабые"²⁰⁴.

Таким образом, напрашивается предположение, что написание статьи "Вредная повесть" было совершено, во-первых, в рамках перетряхивания руководства Ленинградской писательской организации с целью усиления центральной вертикали

¹⁹⁵ См.: "Счастье литературы" (см. прим.10), с. 229.

¹⁹⁶ См.: РГАЛИ, 1628-1-402.

¹⁹⁷ См. Воспоминания брата Виталия Семеновича Макаренко, о котором советское макаренковедение умалчивало: Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма. – Марбург, 1985.

¹⁹⁸ См.: Никулина Н.И. А.А. Фадеев. Семинарий. – Ленинград, 1958, с.77-78.

¹⁹⁹ ПС, т.5. – М., 1985, с.320. См. также письмо А.С. Макаренко от 17.06.1937 г. ответственному секретарю "Литгазеты" В.А. Регину, где говорится: "Работаю много над "Книгой для родителей", работать, правда, никто не мешает, кроме блох, мошек и прочих некультурных созданий". (РГАЛИ, 1433-2-94, л.1 с об.).

²⁰⁰ См.: "Лит. газета", 1937, № 32, 15.06., с.1.

²⁰¹ См.: Hillig, G. Der schwierige Weg zum Kommunismus. Makarenkos Entwicklung zu einem "parteilosen Bolschewiken". В: тот же (Hg.). Hundert Jahre Anton Makarenko. Neue Studien zur Biographie. – Bremen, 1988, с.208-242 (здесь: с.227).

²⁰² См.: Никулина Н.И. (см. прим.198), с.77. В письме к Фадееву от 29.05.1938 г. Ставский, в связи с предстоящим приездом Фадеева в Ленинград, напоминает последнему о его ответственности как члена правления местной писательской организации в условиях "крайне тревожного положения дел".

²⁰³ См.: "Счастье литературы" (см. прим.10), с.283-284.

²⁰⁴ См.: там же, с.283.

власти над литераторами, инициированно-го, скорее всего, Фадеевым, который торопился взять под контроль республиканские и крупные областные отделения Союза писателей СССР. И, во-вторых, хроника событий лета 1937 г. свидетельствует еще и о том, что согласие на написание данной рецензии также было очень нужно и самому Макаренко – для самозащиты, для демонстрации обществу своей активной позиции борца с уклонистами. Последнее сказалось и на его оценке нового произведения Вирты, посвященного борьбе с "троцкизмом", как "закономерной неудачи" – оценки, сделать которую Макаренко также подвигли обстоятельства.

Одной из причин написания обеих рецензий могло стать событие, о котором Макаренко узнал, вернувшись из Украины – исключение из состава членов Центрального Комитета на июньском пленуме ЦК ВКП(б) (23.-29.06.) и из большевистской партии своего кумира и многолетнего покровителя В.А. Балицкого.

Именно он, будучи председателем ГПУ и наркомом внутренних дел УССР, в 1927 году пригласил Макаренко для создания и руководства Харьковской коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и перевел его в 1935 г. в Киев. А примерно 22 марта 1937 г. педагог по личной просьбе был принят наркомом на длительную "аудиенцию". Разговор проходил в исторически важный момент: спустя две с половиной недели после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), в работе которого участвовал и Балицкий (с XVII съезда Всероссийской партии (1934 г.) он был членом ЦК, а 3 марта выступал с речью о "недостатках" в работе по "разоблачению троцкистов на Украине")²⁰⁵ – за несколько дней до ареста наркома связи СССР Г.Г. Ягоды, теперь уже бывшего начальника Балицкого.

Между Макаренко и Балицким, экс-соратником Дзержинского, были наилучшие отношения²⁰⁶. Осенью 1936 г., после доноса на Макаренко (со стороны его бывшего начальника в отделе трудколоний НКВД УССР), что тот якобы был членом "контрреволюционной троцкистской террористической организации", Балицкий вычеркнул имя Макаренко из протокола допроса доносчика...²⁰⁷ А 11 мая 1937 г. именно Балицкого освободили от обязанностей наркома внутренних дел УССР, и 7 июля во время командировки, в служебном вагоне, он был арестован²⁰⁸.

Жена Макаренко, узнав в Москве о судьбе Балицкого "по своим каналам" (от родственника, служившего в НКВД), с присущим ей неумолимым упорством склоняет мужа к "изменению курса на 180°". Во всяком случае, примечательно, что с тех дней Макаренко избегает всякой похвалы в адрес чекистов как образцовых во всем, что касается порядка и дисциплины, как это было присуще его прежним публичным выступлениям. Кроме того, бросается в глаза, что в статье "Макаренко Антон Семенович" в томе 27 Большой Советской Энциклопедии (подписан к печати 1 октября 1937 г.) ничего не упоминается о работе педагога-писателя в органах ГПУ-НКВД. В этом тексте, в основе которого лежат сведения, отобранные, конечно же, самим Макаренко, о его деятельности в годы советской власти сказано лишь следующее: "В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вел руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине"²⁰⁹.

С лета 1937 года Макаренко вообще ничего не говорит общественности о своей деятельности в отделе трудколоний НКВД УССР. Этой же линии поведения в 40-е годы придерживалась и его вдова, когда писала предисловия и послесловия к сочинениям А.С. Макаренко, а также его первый биограф Е.Н. Медынский в своих книгах, написанных в 1940-х гг. Да и во всей литературе о Макаренко до 1949 года нет никаких указаний на его полугодовую деятельность в органах НКВД под руководством Балицкого в Киеве... В выступлениях последних лет своей жизни Макаренко, как правило, избегал даже упоминаний о том, что и коммуна им. Ф.Э. Дзержинского находилась в ведении ГПУ-НКВД.

27 ноября 1937 г. Балицкий в Москве "в особом порядке" приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор привели в исполнение²¹⁰. Ягода же, возглавлявший с июля 1934 по сентябрь 1936 гг. НКВД СССР, предстал перед судом лишь в ходе третьего "Московского процесса" в марте 1938 г.

В конце концов, можно сделать следующее заключение: чтобы выжить, "новоиспеченный" москвич Макаренко вступил – или, скорее, должен был вступить – на тернистую тропу с непредсказуемыми последствиями.

Статья надійшла в редакцію 04.05.2010 ■

²⁰⁵ См.: "Вопросы истории", 1994, № 12, с.22.

²⁰⁶ См.: Хиллиг Г. А. Макаренко и В. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ. // Постметодика, 2005, № 6, с.40-42.

²⁰⁷ См.: Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период Макаренко (1935-1937 гг.). – Марбург, 2000, с.133.

²⁰⁸ См.: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997, с.67-68, 437.

²⁰⁹ См.: Большая советская энциклопедия (БСЭ), т.37. – М., 1938, столб.729.

²¹⁰ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934-1941. Справочник. Под ред. Н.Г. Охотина и А.В. Рогинского. – М., 1999, с.99-100.